

УДК 94(571)“16/18” + 35.07 + 346.12(09)

Д. А. Редин**СИБИРСКАЯ ЛАНДРАТУРА: МЕСТО ВЯТСКИХ ЛАНДРАТОВ
В СТРУКТУРЕ ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРИОДА
ПЕРВОЙ ОБЛАСТНОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО***

Реконструируется сложная картина административных преобразований на Вятке — самой западной территории Сибирской губернии; исследуется запутанная система служебной субординации должностных лиц местного госаппарата в 1713–1717 гг. Проведенная работа направлена на решение одной из самых непростых проблем истории госуправления России раннего Нового времени — уяснения смысла и механизмов реализации первой областной реформы Петра Великого. Частный случай служит очередным доказательством существования значительных расхождений между административным законодательством и практикой государственного строительства в России периода петровских преобразований и демонстрирует широкие возможности и самостоятельность первых губернаторов в принятии решений по организации управления вверенных им территорий.

Ключевые слова: ландрат; ландратская доля; Петровские реформы; первая областная реформа; госаппарат; государственное строительство.

В истории ранних реформ Петра Великого, и в частности первой областной (или первой губернской) реформы, один из самых запутанных и неясных сюжетов связан с учреждением института ландратов. Вероятно, именно сложность исследования ландратуры послужила причиной того, что при постоянном ее упоминании в общих трудах по Петровским реформам единственным специальным исследованием остается статья М. М. Богословского, написанная более ста лет тому назад [см.: Богословский, 1903, с. 45–144; 2008, с. 41–148]¹. Такое слабое историографическое освоение темы связано с тем, что обширные делопроизводственные комплексы, имеющие отношение к ландратуре (на сегодняшний день только в центральном архивном хранении их выявлено около восьмидесяти [Государственность России, с. 13]), крайне незначительно вовлечены в научный оборот, а законодательство о ландратах — излюбленный источник вдохновения историков-государствоведов — само по себе оказывается малополезным и без системного привлечения канцелярского материала способно скорее дать превратное впечатление об этой институции. Напомним вкратце, как возник сам замысел учреждения должности ландратов и каким образом он трансформировался в нормативно-законодательных документах эпохи.

Как известно, озабоченный масштабным переустройством всей системы государственного управления, необходимым для эффективного обеспечения ресурсной мобилизации в чрезвычайной ситуации Северной войны, Петр I

* Статья подготовлена в рамках проекта «Урал в контексте российской истории: эволюционная динамика социокультурного развития в XVI–XIX вв. (традиции изучения и концептуализация)». Программа фундаментальных исследований Президиума РАН, шифр 12-П-6-1010.

¹ Дальнейшие цитаты этого исследования приводятся со ссылкой на переиздание 2008 г.

активно, спешно и поначалу весьма бессистемно начал усваивать опыт администрирования, бытовавший в европейских странах. Одной из идей, завладевшей царем до конца его жизни, была идея внедрения коллегиальных принципов управления. Первым опытом привнесения этой идеи на русскую почву стало учреждение Сената — высшего законо-совещательного и судебного органа государства, работавшего на коллегиальных началах. Занявшись формированием штатов новоучрежденных губерний, царь вознамерился распространить принцип коллегиальности на работу губернского аппарата. В отвоеванных у Швеции в начале XVIII в. остзейских провинциях монарх обнаружил руководившие прибалтийскими территориями ландратские советы, или коллегии, в составе выборных от прибалтийско-немецкого дворянства ландратов — земских советников, как переводили этот термин на русский язык в петровское время. В результате переосмысления этой практики 24 апреля 1713 г. царь издал указ, третий пункт которого предписывал учредить в российских губерниях должности ландратов («в больших губерниях по 12, в средних по 10, в меньших по 8»). По смыслу указа ландраты должны были представлять собой совет при губернаторе, призванный вершить с последним все губернские дела на принципах коллективного обсуждения и принятия решений. Роль губернатора в этом совете определялась как роль первоприсутствующего («президента» — по терминологии указа), имевшего право двойного голоса. При этом кандидаты на должности ландратов утверждались Сенатом из списков, поданных губернаторами [см.: ПСЗ, т. 5, № 2673]. Пока губернаторы определялись с кандидатами, деятельный государь внес существенную корректировку в принцип замещения ландратских вакансий, предписав именным указом от 20 января 1714 г. «ландратов выбирать в каждом городе или провинции всеми дворяны за их руками» [Там же, № 2762]. Это распоряжение, так долго вводившее в заблуждение позднейших исследователей, не имело никакого практического последствия: 10 февраля 1714 г. Сенат определил персональный ландратский состав для всех губерний на основе губернаторских списков [см.: ДПС, № 140]. Примерно две недели спустя, 28 февраля, сенаторы, подтвердив право ландратов «сидеть с теми губернаторами, хто из них как написан в чинех по разрядному списку» и обязав привести ново назначенных чиновников к присяге по месту службы, завершили свое решение неожиданным пассажем о том, чтобы в дальнейшем «писатца им товарищами (губернатора. — *Д. Р.*), а не лантраторами» [РГАДА, ф. 248, кн. 35, л. 20—20 об.]². Оставим в стороне размышления о том, почему сенаторы решили отказать ландратам в этом должностном наименовании. В этой части указ также не возымел действия и в дальнейшем ландраты продолжали называться ландратами. Гораздо принципиальней для истории русской ландратуры стал именной указ от 28 января 1715 г., в корне изменивший саму идею и статус этой институции. По новому законодательству ландраты превращались в местных администраторов среднего звена, или, как было принято писать в дореволюционной литературе, в глав второстепенных област-

² Этот указ не включен ни в Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), ни в издание Докладов и приговоров Правительствующего сената (ДПС).

ных учреждений — ландратских долей. По замыслу царя доли, введенные еще в 1710 г. как счетно-условные единицы, объединявшие по 5 536 тяглых дворов и удобные для распределения податей и учета сборов [см.: ПСЗ, т. 4., № 2305], должны были приобрести характер административно-территориальных подразделений губернии, заменив собой уезды. Во главе долей в их новом статусе верховная власть намеревалась поставить ландратов. Последние, таким образом, лишались ранга членов губернского совета, или губернской коллегии и должны были занять в управленческой иерархии место прежних уездных управителей — обер-комендантов и комендантов. В свою очередь, комендантские должности по смыслу указа 28 января 1715 г., упразднялись во всех прежних уездных центрах, не располагавших собственным гарнизоном. Кроме того, ландраты, в порядке очередности сменяя друг друга через 1—2 месяца, должны еще были попарно находиться в качестве советников при губернаторе, а в конце года всем ландратам следовало съезжаться к губернатору для отчета и совместного «исправления дел» [см.: Там же, 5, № 2879]. Наконец, указом (именным, объявленным из Сената) от 10 декабря 1715 г. [Там же, № 2964] на ландратов была возложена еще одна обязанность, охарактеризованная М. М. Богословским «чрезвычайным поручением, наиболее вредившим правильному ходу ландратского управления» [Богословский, 2008, с. 138] — проведение подворной переписи населения (т. н. ландратская перепись 1715—1717/18 гг.). Эта перепись, неожиданно для правительства затянувшаяся и фактически провалившаяся, стала последним актом в истории ландратуры. К 1719 г., сформировав более целостные представления о том, что и как надо преобразовывать в системе государственного устройства, Петр I приступил к практической реализации новых («больших») реформ 1719—1725 гг., среди которых наиболее известны коллежская, вторая областная (или провинциальная) и две судебных. В результате принципиально новой архитектуры местного государственного управления в ландратуре перестали нуждаться, и она незаметно прекратила свое существование.

Даже этот краткий обзор наиболее важных нормативно-законодательных актов наглядно демонстрирует то колебание законодательной мысли, которое сопровождало ландратуру с первых до последних шагов ее существования. Надо ли говорить, в какой сложной ситуации оказывались те, кто по должности был обязан строить на этом зыбком фундаменте управленческие структуры? При размытости законодательных установок каждый губернатор был вынужден сам принимать решения о том, каким образом и какими средствами внедрять ландратуру, как выстраивать иерархию служебных отношений между ландратами и уже действовавшими должностными лицами губернии. Можно себе представить, с какими сложностями столкнулось губернское начальство, получив в очень короткий промежуток времени несколько указов, принципиально противоречивших друг другу относительно даже полномочий ландратов. Все это породило (как, впрочем, и в других схожих ситуациях) большую пестроту и своеобразие местных административных структур, не имевших ничего общего с той унификацией и стройностью, которая предстает в большинстве современных

учебников по истории государства и права или истории госуправления России периода петровского царствования.

Сибирская губерния, как и все остальные, пережила ландратскую реформу по-своему, но специальных исследований регионального формата по этой теме (как и по административным реформам Петра I в целом) до недавних пор не было, за исключением трудов М. О. Акишина, опубликовавшего в своих монографиях сведения о деятельности некоторых сибирских ландратов [см.: Акишин, 1996, 2003]. В 2005 г. мною была предпринята первая попытка систематического изложения истории сибирской ландратуры, а двумя годами позже я описал обстоятельства формирования и существования корпуса сибирских ландратов в общем контексте реформ местного управления [см.: Редин, 2005, 2007]. Основные выводы, сделанные мною на основе тех источников, которые удалось выявить и использовать в названных работах, сводились к следующему.

Никакого ландратского совета образца 1713 г. в Сибирской губернии (впрочем, как и в России в целом) создано не было. Формирование состава сибирской ландратуры из числа столичных дворян (т. н. «царедворцев») по представлениям губернатора кн. М. П. Гагарина началось поздно и шло поэтапно и долго, окончательно завершившись только к осени 1716 г. В разные годы через ландратскую службу в губернии прошли 11 человек. В силу сибирской специфики трудновыполнимой оказалась и реализация указа от 28 января 1715 г., т. е. организация ландратских долей, которые в качестве низовой административно-территориальной единицы должны были заменить собой уезды, и создание дежурного присутствия при губернаторе из двух помесечно или раз в два месяца сменяемых ландратов. Первое было невозможно из-за лежащего в основе деления на доли статистического принципа: 5 536 тяглых дворов в доле (даже при некотором разрешенном колебании числа дворов в обе стороны). Если в западных уездах губернии, расположенных в географическом пространстве от Вятки до Тобола, такое устройство долей хотя бы теоретически еще можно было допустить, то к северу от Тобольска (до побережья Ледовитого океана) и к востоку от Тары (в необозримые пространства до побережья Тихого океана) о такой территориальной единице, как доля, нечего было и мечтать. Учитывая нехватность территории с крайне неразвитой системой транспортных коммуникаций и ничтожно малой численностью русского населения, долевая организация была просто невозможна. По тем же примерно причинам в Сибирской губернии было невыполнимо устройство ежемесячно сменяемого ландратского присутствия при губернаторе: в губернский Тобольск относительно быстро можно было добраться только из Тюмени. При наличии устойчивой ямской гоньбы и при условии благоприятной погоды путь между этими городами в среднем занимал трое суток в один конец — идеальные условия для сибирской транспортной сети [см., по этому поводу: Редин, 2006, с. 138—162; 2007, с. 356—392]. Поэтому частые ротации дежурных ландратов, затруднительные и в европейской части страны, просто бы парализовали текущее управление краем. Наконец, для ландратов — руководителей долей было крайне проблематично найти место в иерархии местного государственного аппарата, поскольку указ 1715 г. не учитывал специфику административного устройства

и социальной структуры региона. Как отмечалось выше, указ предполагал, что ландраты заменят в качестве управленцев нижнего звена прежних комендантов (бывших городских воевод) в тех городах, где не было расквартированных гарнизонов. Но в Сибирской губернии, восточном фронтире России, территории постоянно колонизирующейся и в XVIII в., гарнизоны были во всех городах, за исключением промысловых Соликамска, Чердыни и Кайгородка (по данным переписи 1710 г.) [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 17, л. 50]. Более того, в Северо-Западной и Восточной Сибири скорее можно было найти города и остроги без посадского населения, чем без гарнизонов служилых людей, зачастую являвших собой все наличное русское население. Как следовало поступать в таких случаях и каким образом должны были распределяться обязанности между комендантами и ландратами, закон умалчивал. Таким образом, внутренние противоречия нового административного законодательства, наложившись на сибирскую специфику, вплотную подводили к вопросу о целесообразности ландратуры в Сибири как элемента местного управления. Губернская власть стала относиться к ландратам как к кадровому резерву, которым можно было распоряжаться в зависимости от текущих потребностей и мало сообразуясь с запутанными нормами. Солидаризируясь с мнением М. О. Акишина и опираясь на собранные данные, можно сделать вывод о том, что ландратура как среднее звено местного управления края не получила своего развития. Большинство сибирских ландратов использовались в качестве руководителей уездов, иногда сохраняя за собой должностное наименование ландратов, а иногда нет, но по объему полномочий и границам подведомственных территорий в любом случае ничем не отличаясь от комендантов. Некоторые из ландратов были привлечены к проведению переписи. В результате ландратские доли даже номинально не потеснили уезды в системе административно-территориального деления региона. Что касается дежурного ландратского присутствия при сибирском губернаторе, то оно в силу обстоятельств было заменено постоянно присутствующим тобольским (сибирским) ландратом, стольником В. П. Грековым, который стал четвертым лицом в губернской иерархии (после губернатора, ландрихтера и тобольского обер-коменданта), сосредоточив в своем ведении по преимуществу фискально-финансовые вопросы и оказавшись в силу этого под непосредственным начальством губернского ландрихтера.

В то же время при всей стройности и источниковой подкреплённости восстановленной картины ряд моментов остался непроясненным. Больше всего вопросов было связано с деятельностью трех ландратов — стольников Б. В. Еварлакова, И. М. Кологривова и кн. Я. И. Вяземского³. Борис Васильевич Еварлаков в 1713 — начале 1714 г. служил тюменским комендантом, а впоследствии оказался назначен ландратом, но круг его компетенции в этом уезде точно определить не удавалось из-за нехватки информации. На основании текста губернаторского приказа от 1 января 1715 г. можно установить, что ландрат Б. В. Еварлаков должен был провести перепись в Тюменском, Туринском и Верхотурском

³ Несомненно, это Яков Иванович Меньшой. Его старший брат и полный тезка, уже в 1703 г. числившийся в отставных стольниках, умер в 1709 г. [см. об этом: Захаров, 2009, с. 317].

уездах, а город Тюмень «отдать стольнику Дмитрию Борисову сыну Зубову» [ГАТО, ф. И-47, оп. 1., д. 4820, л. 13—13 об.]. Похоже, что Еварлаков начал переписное дело в Тюменском уезде: для этого в качестве помощников «у переписи дворового числа» ему были приданы тюменские дети боярские Михай Костромин, Максим Романов, Иван Текутьев и атаман Федор Колокольников [см.: Там же, д. 16, л. 41], но уже в том же 1715 г. Еварлаков в качестве ландрата-переписчика оказывается в Кунгуре, осуществляя свою деятельность вместе с кунгурским комендантом Л. А. Синявиным [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 155, л. 1170], которого и сменил в качестве кунгурского коменданта в 1716 г. [см.: Там же, ф. 214, оп. 5, д. 2313, л. 90]. В то же время стольник Зубов, который по смыслу упомянутого губернаторского приказа должен был принять Тюмень у Еварлакова, появляется как адресат делопроизводственной переписки на комендантской должности лишь поздней осенью 1715 г., а в первой половине года тюменским комендантом вроде бы оказывается стольник С. П. Карпов (будущий губернский обер-комендант) [см.: Редин, 2007, с. 190]. Таким образом, в период между утверждением в состав ландратов Сибирской губернии (10 февраля 1714) и началом переписной деятельности (первая половина 1715?) карьера Б. В. Еварлакова удовлетворительно не реконструируется, равно как остается открытым вопрос о том, кто же в это время был комендантом Тюмени.

Назначенный вместе с Б. В. Еварлаковым в первой партии сибирских ландратов кн. Яков Иванович Вяземский в 1715—1717 гг. был переписчиком в Хлынове [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 155, л. 952, 1170; ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 951; д. 29, л. Е122]; вероятно, он попал туда сразу после вступления в ландратскую должность. Иван Миронович Кологривов, до ландратской службы бывший комендантом в Томске [см.: Акишин, 1996, с. 153], получив новое назначение, как и князь Вяземский, оказался в качестве переписчика на крайнем западе губернии — в Слободском [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 155, л. 1170; ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 368—368 об.]. Надо заметить, что все трое показали себя плохими переписчиками: спустя несколько лет Сенат принялся разыскивать кн. Я. И. Вяземского, И. М. Кологривова и Б. В. Еварлакова за провал ландратской переписи на вверенных им территориях. Назначенный воеводой Вятской провинции полковник В. И. Чаадаев 8 июня 1720 г. доносил в Сенат, что он не может выслать в соответствии с указом «ландратов, которые переписывали крестьянские и бобыльские дворы... с переписными и перечневыми выписками и с табели скованных за караулом», поскольку не знает, «куда они с переписными книгами ис правинции Вятской съехали» [Там же, л. 1170]⁴. Но дело не в этом, а в том, что совершенно ясный на первый взгляд круг обязанностей ландратов, отправленных переписчиками в города Вятки, оставлял впечатление какой-то недосказанности. Так, например, мною было обнаружено, что в течение нескольких

⁴ Эпизод с поиском ландратов-переписчиков иллюстрирует, насколько плохо был организован учет кадров в канцелярии Сената и насколько формально относились к своим обязанностям местные администраторы. И. М. Кологривов, например, никуда не скрывался, а вплоть до конца 1721 г. (с небольшим перерывом) руководил соседней с Вяткой Соликамской провинцией. Вятский воевода В. И. Чаадаев не мог об этом не знать: вся корреспонденция из Тобольска попадала в Хлынов через Соликамск и сопровождалась письмами, подписанными И. М. Кологривовым.

месяцев 1716 г. указы, поступавшие на Вятку и от губернатора кн. М. П. Гагарина, и из канцелярии Сибирской губернии в Москве от ландрихтера И. Л. Чепелева, адресовывались персонально не вятскому коменданту, стольнику В. К. Толстому, а ландрату кн. Вяземскому и главе Вятской приказной избы дьяку В. Ф. Окоемову [см.: РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 1037–1083]. За неимением иных данных можно предположить, что такая ситуация могла сложиться в результате временного отсутствия по каким-то причинам в Хлынове коменданта Толстого [см.: Редин, 2007, с. 192–193]. Однако недавняя работа с документами фонда 973 («Слободской комендант, ландрат и земский комиссар») Российского архива древних актов позволила получить дополнительные сведения, которые, хотя и не закрывают тему окончательно, тем не менее дают пищу для новых размышлений относительно деятельности вятских ландратов, сибирской ландратуры и перипетиях первой областной реформы в Сибирской губернии в целом. Для того, чтобы лучше разобраться, в какой ситуации оказались ландраты Вяземский и Кологривов по прибытии к своему очередному месту службы и как их приезд сказался на управленческой ситуации, надо вспомнить, что представляла собой административная структура Вятки к началу первой областной реформы.

Историческая область Вятка, раскинувшаяся по водоразделу Северодвинского, Волжского и Печерского бассейнов, в Средние века была полунезависимой землей Новгорода. Даже войдя в состав Московского государства, Вятка сохранила в своем административно-территориальном устройстве некоторые черты, восходившие к новгородской старине: города, окружавшие главный город края Хлынов (называемый одновременно, как и вся земля, Вяткой), — Котельнич, Орлов, Слободской и Шестаков — долгое время полуофициально именовались «пригородками» (чем подчеркивалось их подчиненное положение по отношению к региональному центру), а сельские округа, наряду с общерусским «волости», носили наименования «станов» и «погостов» (что характерно именно для северных и северо-западных областей России). Промежуточное природно-географическое положение Вятской земли между европейской частью страны и Сибирью накладывало отпечаток на ее социальную и демографическую структуру, характер экономики, бытовую культуру населения. Западная часть Вятки (с Хлыновом и Котельничем) тяготела по ряду показателей к исторической области Поморья, восточная — к Сибири⁵. В административном отношении структура Вятской земли отличалась непостоянством. При несомненном главенстве Хлынова как самого крупного и исторически «старшего» города вятские «пригородки» иногда становились центрами самостоятельных уездов; так, например, в XVII в. до 1636 г. Слободской, Котельнич

⁵ Такое разделение городов Вятки на «поморские» и «сибирские» можно встретить в некоторых делопроизводственных документах начала XVIII в. [см., например: РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 5, л. 3]. С. Ф. Платонов, отмечая тесную связь Вятки с Поморьем, был склонен при всех колебаниях выделять ее в особую территорию наряду с Пермью [см.: Платонов, с. 9, 15–17]. М. М. Богословский однозначно относил вятские уезды к поморским территориям [Богословский, 1909, т. 1, прил., с. 4–69].

и Орлов с «тянущими» к ним сельскими округами составляли отдельные уезды [см.: Платонов, с. 16; Вершинин, с. 9]. Впоследствии и вплоть до начала 1710-х гг. они входили в единый Вятский уезд с центром в Хлынове.

Включение Вятки в состав Сибирской губернии имело для последней большое экономическое и административное значение. Будучи самой большой и самой редко и неравномерно заселенной из всех первоначальных петровских губерний, Сибирская несомненно много выигрывала от присоединения хорошо освоенной и многолюдной (по восточным меркам) Вятки. По данным переписи 1710 г. Хлынов занимал третье место по общему количеству служилого и посадского населения среди городов губернии, заметно уступая лишь губернскому Тобольску и незначительно Тюмени, обладая самым большим гарнизоном солдат и драгун (за счет квартировавшего там жилого солдатского полка), а Вятский уезд по общему количеству населения также удерживал третью позицию в губернии (после Тобольского и Соликамского) [см.: РГАДА, ф. 248, кн., 17, л. 50; Кабузан, с. 73, 77]. Неудивительно, что Вятка вызывала самое пристальное внимание первого сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина. Еще Н. В. Татищев утверждал, что приписка тех или иных территорий к ново-создаваемым губерниям нередко происходила по корыстным мотивам первых губернаторов, особенно близких к царю. Тем самым они пытались усилить доходность своих владений и личную власть; это утверждение Татищев, в частности, подкреплял примером отнесения Вятки к Сибири [см.: Татищев, с. 198]. Делопроизводственная документация 1710-х гг. показывает, что Гагарин, который вообще был склонен опекать и поддерживать свои кадры, особенно благоволил подьячим Вятской приказной избы, чьи должностные оклады, благодаря благосклонным решениям губернатора по их прошениям, были выше, чем даже у приказных Тобольской «большой» канцелярии [см.: Редин, 2007, с. 493–494]. Во время первой областной реформы, начальные шаги по практической реализации которой в Сибири прослеживаются приблизительно с середины 1711 г., Вятка стала ареной самых разнообразных административных экспериментов, в основе которых чаще всего лежала инициатива деятельного Гагарина.

Так, при гагаринском губернаторстве были предприняты попытки придать вятским «пригородам» статус уездных центров, назначив в них особых управителей, подчиненных непосредственно вятскому воеводе (коменданту). Конечно, в урало-сибирской практике организации местного государственного управления XVII — начала XVIII в. существовала традиция назначать особых начальников — приказчиков — в удаленные от уездного центра слободы, образовавшие вместе с окрестными сельскими поселениями мелкие «присуды». Но то, что предпринял на Вятке кн. М. П. Гагарин, выглядело серьезнее. Командиры «пригородов» получили наименование комендантов, их территория определялась в деловой корреспонденции как уезд, да и сами «пригороды» по численности населения и общему социокультурному значению намного превосходили слободы Зауралья и Сибири. Такой порядок, как представляется, менял административно-территориальную структуру и архитектуру местного управления на Вятке, превращая ее *de facto* в обер-комендантскую провинцию.

Первым из вятских «пригородов» был повышен статус Слободского, второго по значимости города края. Гагаринским распоряжением от 2 марта 1713 г., направленным вятскому коменданту кн. И. И. Щербатову, «ведать судом и росправою и податями всех чинов людей» Слободского и Коринских волостей назначался стольник Иван Иванович Немтинов. В тексте документа особо пояснялось, что вне компетенции Немтинова оказывались вятские «уездные люди» как находящиеся в юрисдикции кн. Щербатова. Прямыми начальниками слободского командира были названы губернатор, ландрихтер и вятский комендант [см.: РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 531–531 об.]. Слободской в качестве подчиненного, но автономного от Хлынова центра предстает и в последующих документах. Когда летом того же года вятский комендант кн. Щербатов и секретарь приказной палаты дьяк Ф. Сычев были вызваны по служебным делам в Тобольск, то вместо них «на хозяйстве» остались дьяки В. Окоемов и А. Аникеев. Губернаторский приказ от 13 июля 1713 г. повелевал им ведать всеми делами по уезду, кроме Слободского, Слободского уезда и коринских татар, вотяков и бесермен, «приказанных» И. Немтинову [Там же, л. 574]. Новый комендант приехал в свой уездный центр несколько месяцев спустя после назначения; под постой он получил двор покойного зажиточного слобожанина Дементия Курочкина (что плачевно сказалось на судьбе малолетних сирот, детей Курочкина, вынужденных «скитатца меж двор») [Там же, ф. 973, оп. 1, д. 2, л. 18–18 об.] А в конце года (30 ноября 1713 г.) кн. М. П. Гагарин приказал уже новому вятскому коменданту, Г. И. Вахромееву, перевести из Вятской приказной избы в Слободской подьячего средней статьи Ф. Коробова, который должен был служить при И. И. Немтинове в ранге старого подьячего. Несомненно, что в данном документе вполне очевидно проступают контуры Слободской комендантской канцелярии, которую, вероятно, должен был возглавить Коробов. Кстати говоря, в этом же распоряжении Немтинов впервые официально назван комендантом [см.: РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 601]. Впрочем, Коробову так и не довелось возглавить канцелярию Слободского уезда, поскольку губернатор, вероятно по просьбам хлыновской администрации, изменил свое решение, повелев приказом 27 января 1714 г. оставить подьячего в Вятской приказной избе «в прежнем повиытьи» [Там же, ф. 973, оп. 1, д. 2, л. 55 об.]. В результате к концу 1713 г. канцелярский штат Слободского укомплектовали молодыми подьячими, верстанными из местных тяглецов, — Лукой Поторочиновым, Трофимом Матушкиным и Аверкием Рукавишниковым [Там же, л. 21]. Через год один из них, Т. Матушкин, получил повышение, став подьячим средней статьи [Там же, л. 198], а Аверкий Рукавишников успел побывать при коменданте И. Немтинове «у переписи дворового числа» [Там же, д. 3, л. 60]. В начале 1715 г. документация упоминает в числе слободских подьячих еще двоих: Андрея Рукавишникова [Там же, л. 64] и переведенного из Вятской приказной избы подьячего средней статьи Егора Дьяконова [Там же, л. 68; д. 4, л. 23], который, судя по всему, возглавил уездную канцелярию. Наконец, еще один «переведенец» из Хлынова, молодой подьячий Федор Юфеев, проявляется по документам Слободской приказной избы в 1716 г. [Там же, д. 4, л. 19]. Вместе с комплектованием штата местной приказной избы шло

расширение административных границ нового уезда. Приказом губернатора от 20 февраля 1714 г. из ведения Хлынова к Слободскому была приписана Филиппова слободка с деревнями [см.: РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 2, л. 130] и, вероятно в том же году, г. Шестаков, самый маленький из вятских «пригородков» [Там же, л. 190].

Осенью 1715 г. (приказ кн. М. П. Гагарина от 25 октября) в Слободском произошла смена коменданта — обычная воеводская ротация, принятая еще в предыдущем столетии. Преемником И. И. Немтинова на этом посту стал майор Герасим Юрьевич Елдезин, бывший командир Вятского жилого солдатского полка [см.: Там же, д. 4, л. 63]. Ему было велено «ведать Слободкой по прежним воевоцким наказам», а «слободских жителей судом и расправой, и всякие великого государя и челобитчиковы дела управлять» [Там же, л. 2]. Превращение одного из вятских «пригородов» в уездный центр положило начало дальнейших административных трансформаций. В конце 1714 г. та же судьба ожидала Котельнич. Как можно узнать из приказа губернатора от 9 декабря 1714 г. хлыновскому коменданту стольнику В. К. Толстому, в Котельнич и «в уезд» тоже назначался особый комендант — капитан Петр Ермолаев. По стандартной формулировке он должен был ведать там судом, расправой, сборами и винной продажей. Документ более детально устанавливал судебные полномочия капитана: он мог судить гражданские иски ценой до 20 руб.; более крупные разбирательства, уголовные и государственные преступления подлежали следственной и судебной (в части, касающейся) компетенции хлыновской администрации [Там же, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 711]. По аналогии ситуации можно полагать, что судебная юрисдикция слободского коменданта была такой же, как и у коменданта Котельнича.

На фоне этих перемен в административном ландшафте Вятки, самих по себе любопытных, но вполне логичных и как будто бы бесконфликтных, в крае появляются ландраты. Первым в Хлынове оказался кн. Я. И. Вяземский. Не располагая точными сведениями о дате его приезда в этот город, можно с достаточной уверенностью назвать год прибытия в Вятку первого ландрата — 1715-й. Об этом свидетельствует ряд документов, в том числе воспоминания подьячего средней статьи Вятской приказной избы Ивана Филимонова, показавшего в 1720 г., что он, Филимонов, «...в прошлом 715-м году в Вятцкой канцелярии подьячим не был, а был в канцелярии денежных зборов у дьяка Василья Окоэмова при старом подьячем Федоре Сунцове да при ландрате князе Якове Вяземском, который прислан был для переписи дворов и людей...» [Там же, ф. 248, кн. 155, л. 952]. Это вполне ясное указание, хотя и не помогает установить с точностью до месяца начало деятельности в Хлынове ландрата Вяземского, тем не менее определенно указывает на круг его полномочий: проведение переписи. О переписной деятельности кн. Вяземского упоминают и другие, уже приводившиеся выше документы [Там же, кн. 155, 1170; ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 951; д. 29, л. 122]. Известно также, что существовала при нем и специальная переписная канцелярия, в которой действительно числился подьячий И. Филимонов и его сотоварищ по Вятской приказной избе, подьячий средней статьи Леонтий Хаустов. В рапоржении переписчиков были 30 сол-

дат и два барабанщика во главе с урядником [РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 5, л. 146]. Но вот в чем проблема. Как отмечалось выше, указ о возложении на ландратов обязанности проведения подворной переписи был опубликован только 10 декабря 1715 г.; учитывая значительное время, необходимое для доведения указа до исполнителей (доставка казенной корреспонденции из Москвы в Тобольск занимала в среднем полтора-два месяца), для принятия кадрового решения и приезда ландрата в Хлынов Вяземский физически не мог появиться в этом городе как переписчик в 1715 г. Таким образом, если он все-таки находился на Вятке в 1715 г., то попал туда до указа о переписи от 10 декабря и не в роли переписчика. Но в качестве кого? Этот вопрос чрезвычайно важен, поскольку, несмотря на всю его частность, он касается прояснения служебной компетенции сибирских ландратов и практики функционирования ландратуры в Сибирской губернии. Ответить на него можно, начав с тщательного осмысления показаний подьячего Филимонова. Вспоминая о своей службе под началом ландрата Вяземского, И. Филимонов назвал не переписную канцелярию, а «канцелярию денежных сборов у дьяка Василья Окоэмова при старом подьячем Сунцове». Опытный приказный, дьяк Василий Федотович Окоемов, уже в 1712 г. получавший высший для провинциальных дьяков оклад, близкий к воеводскому (100 руб. деньгами, 100 четвертей хлебом и 50 ведер вина [см.: Там же, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 413–413 об.]), замещавший коменданта и дьяка-секретаря во время их отъездов и сам ставший в сентябре 1714 г. секретарем Вятской приказной избы вместо дьяка Федора Сычева [см.: Там же, л. 767, 793–793 об.], тесным образом был связан с фискальными делами. Вероятно, при секретарстве Ф. Сычева он мог возглавлять Денежный стол в приказной избе и совершенно точно, что с начала 1713 г. Окоемов ведал сбором податей с хлыновских посадских людей и кабаков [см.: Там же, л. 439]. Тот факт, что этот квалифицированный управленец, специалист по финансовой документации оставляет свой высокий пост в Вятской приказной избе и возглавляет канцелярию денежных сборов при ландрате, указывает на два важных обстоятельства: ландрат кн. Я. И. Вяземский приехал в Хлынов не как переписчик (эти функции ему будут приданы позже), а как фискально-финансовый чиновник, на которого возлагалась миссия контроля и сбора налогов на территории всей Вятки. Для этого при нем создавалась специальная канцелярия, укомплектованная (как повсеместно практиковалось в петровское царствование) лучшими кадрами Вятской приказной избы. Зная, как важны для царя вопросы, связанные со сбором налогов, можно представить, какой влиятельной фигурой должен был стать вятский ландрат. Одновременно появление особого чиновника, контролировавшего податную сферу, чувствительным образом подрывало полномочия вятского коменданта и комендантов «пригородных» уездов.

Приведенные выше рассуждения подкрепляются дальнейшей документацией. 11 марта 1716 г. слободской комендант майор Г. Елдезин получил приказ из Хлынова от ландрата кн. Я. Вяземского и дьяка В. Окоемова с требованием отчитаться по сборам в г. Слободском, Слободском уезде и Филипповой слободке за текущий 1716 г. и за период с 1710 г., «что всяких сборов порознь, в доимке, и из доимки выбрано». Свои притязания князь Яков обосновывал

ссылкой на приказ губернатора, который определял «в Вятских пригородах, а имянно: в Слободском, и в Орлове, и в Котельниче с уезды всякие зборы ведать ему, лантратору князь Якову Ивановичю и дьяку Василью Окозмову» [РГАДА, ф. 973, оп. 1. д. 4, л. 14]. Из приведенной цитаты явствует, что территория, подконтрольная слободскому коменданту, оказалась, в такой важной отрасли, как налогообложение, в зоне компетенции ландрата. Как часто бывало в петровское время, чиновники, имевшие в своем особом ведомстве контроль над сборами, склонны были явочным порядком расширять сферу собственных полномочий. Вероятно, не был исключением и ландрат Вяземский. В еще одном мартовском приказе 1716 г., отправленном от его имени в Слободской, коменданту Елдезину предписывалось выслать двух крестьян «для государева дела» в Хлынов [Там же, л. 15]. Подобное распоряжение можно рассматривать как откровенное вторжение кн. Вяземского в сферу административно-полицейских полномочий не только слободского, но и вятского коменданта, в компетенцию которого входило решение гражданских исков ценою свыше 20 руб. и проведение следствия и суда «по великим винам и розыскным делам» [Там же, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 711]. Эти обстоятельства, надо полагать, объясняют отмеченный выше поток корреспонденции от губернатора и ландрихтера, шедший в 1716 г. на Вятку в адрес ландрата Вяземского мимо коменданта Толстого.

Очень скоро бремя ландратского присутствия ощутили на себе слободские обыватели. В составленной все в том же марте 1716 г. коллективной челобитной, подписанной земскими старостами Слободского и Филипповой слободки «с целовальники, и со всеми градскими и уездными, и Филипповы слободки жители», тяглецы красочно описали свои тревоги в связи с новой административной практикой. «И от того мы, раби твои, — сокрушались челобитчики, — опасны раззорения, понеже бо из Хлынова (от ландрата. — *Д. Р.*) для правезу зборов и для всяких других дел будут присылать почасту посыльщиков и подьячих, и учнут таскать нас, рабов твоих, для всяких служеб и дел непрестанно... Всемилостивейший государь, да повелит Ваше державство ведать нас, рабов твоих, по прежнему... в Слободском камендантом... всяким правлением и денежными зборы особливо, чтоб нам, рабам твоим, от двоевытного каменданцкого ведомства⁶ во всеконечном раззорении не быть» [РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 4, л. 27 об. — 28]. Челобитная эта канула в недрах канцелярий, похоже, даже не дойдя дальше местной приказной избы (в чьих, собственно, фондах она и обнаружена в позднейшем архивном хранении), а тем временем на Вятке появился второй ландрат, обосновавшийся непосредственно в Слободском — стольник Иван Миронович Кологривов.

Первоначальные полномочия и точную дату прибытия Кологривова в Слободской установить трудно. Самый ранний из имеющихся у нас документов —

⁶ Важно отметить, что, протестуя против двойного подчинения, сложившегося в результате придания хлыновскому ландрату особых административно-фискальных полномочий, слобожане не делают особой разницы между ландратом и комендантом, говоря о «двоевытном камендантском ведомстве». Как бы ни называл законодатель своих администраторов и какой бы смысл ни вкладывал в создание новых должностей и учреждений, для населения все они представляли воеводами/комендантами, увеличение численности которых сулило лишь неприятности и ухудшение положения тяглецов.

приказ сибирского губернатора «в Слободской ландрату Сибирской губернии Ивану Мироновичу Кологривову» о продлении разрешения заниматься в городе винокурением хлыновским откупщикам-подьячим И. Тряпицину и А. Шмелеву датирован 9 ноября 1716 г. [РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 5, л. 1]. Тряпицин и Шмелев монопольно держали винные откупы по всей Вятке и были подотчетны в своей деятельности исключительно ландрату кн. Я. И. Вяземскому. Об этом, в частности, можно судить по приказу самого Вяземского, направленного 20 мая 1716 г. в Слободской коменданту Г. Ю. Елдезину. Ссылаясь на волю губернатора, кн. Вяземский, среди прочего, подчеркивал, что откупщикам в их деле «никакова помешательства не чинить, а комендантом и никому, кроме ландтратора князя Якова Ивановича Вяземского или кто по нем ландрат будет, их не ведать» [Там же, д. 4, л. 82]. Из содержания приведенных документов можно предположить, что, во-первых, по крайней мере до конца весны 1716 г. Кологривов в Слободском не было (приказ Вяземского адресован коменданту Елдезину); во-вторых, вся финансовая отрасль (в том числе такая важнейшая по своей доходности ее составляющая, как винный откуп) в масштабах всей Вятской земли находилась в это время в исключительной юрисдикции местного ландрата; в третьих, ландрат И. М. Кологривов, появившийся на Вятке летом-осенью (не позже ноября) 1716 г., подобно Вяземскому, обладал не только полномочиями переписчика, но и финансово-фискального чиновника. Простирались ли его полномочия на всю Вятку или ограничивались только Слободским и уездом, в каких субординационных отношениях он состоял на первых порах с сидевшим в Хлынове Вяземским, на основании имеющихся сведений установить невозможно. Но уже с самого начала своего пребывания в вятских пределах Кологривов вторгается в сферу компетенции слободского коменданта, перераспределяя обязанности между подьячими местной приказной избы [Там же, д. 5, л. 7—7 об.]. В январе следующего (1717) года мы обнаруживаем, что ландрату Кологривову поручается вести следствие над подьячими Вятской приказной избы, уличаемыми во взятках с крестьян Вятского уезда, укрывательстве беглого солдата, подлогах и незаконных раскладках сборов на крестьян Чепецкого стана: и эти люди, и эти территории находились в компетенции вятского коменданта [см.: Там же, л. 35—36]. Симптоматично, что в губернаторских приказах И. М. Кологривову в большинстве случаев использовались формулировки: «на Вятку сибирскому ландтратору (ландрату)». Традиционно указание адреса «на Вятку» использовалось в корреспонденции, отправляемой в Хлынов, а не в его «пригороды», пусть даже в такие значительные и ставшие центром отдельного уезда, как Слободской, а устойчивого именованного «сибирский ландрат» удостоивался только тобольский ландрат В. П. Греков, номенклатура губернского ранга. Перечисленные обстоятельства косвенно, но убедительно указывают на быстрый рост влияния ландрата Кологривова в должностной иерархии Вятской земли.

К февралю 1717 г. завершилась деятельность переписной канцелярии ландрата кн. Вяземского. Прикомандированную к канцелярии солдатскую команду и переписные книги князь по приказу губернатора сдал в Слободской Кологривову [Там же, л. 146—146 об.]. Похоже, что вместе с этим кончился и срок пребывания Вяземского на Вятке, а его служебные прерогативы перешли к новому

ландрату. Вскоре И. М. Кологривов и вовсе стал единственным полноправным правителем Слободского и всех подчиненных ему территорий. Уже в марте кн. М. П. Гагарин адресовал в Слободской приказ, согласно которому действующий комендант майор Г. Ю. Елдезин лишался административных прав в уезде. Ему вновь вверялось командование над солдатами Вятского гарнизона (за исключением 179 человек, прикомандированных тремя отрядами к дьяку В. Окоёмову и вятскому коменданту В. К. Толстому с дьяком-комиссаром С. Лодыгиным) и определялось повышенное жалованье: 50 руб. денежного оклада, 25 юфтей хлеба, 10 пудов соли и 20 ведер простого вина в год. Принципиально важным было то, что в соответствии с приказом майор Елдезин с гарнизоном оказывался «под командой» ландрата Кологривова, а не вятского коменданта и штаб-квартира ему отводилась не в Хлынове, а все в том же Слободском [см.: РГАДА, ф. 973, оп. 1, д. 4, л. 61].

Если суммировать все данные, связанные с трансформациями должностного статуса ландрата Кологривова, то получается следующая картина. В руках ландрата оказались все финансово-податные дела Вятки; он стал прямым начальником командира Вятского гарнизона (за вычетом небольшого, до полурота рот, отряда солдат); в рамках Слободского уезда ему была передана вся полнота власти — еще один шаг, одно административное решение губернатора, и Вятская обер-комендантская провинция, по сути, могла превратиться в полноценную ландаратскую долю, первую и, похоже, единственную в Сибирской губернии. Характерно, что центр тяжести в системе управления краем впервые за многие столетия перемещался из Хлынова в один из вятских «пригородков» — г. Слободской, ставку ландрата. При этом оставалась совершенно непонятной дальнейшая судьба вятских комендантов, как главного, стольника В. К. Толстого, пребывавшего в Хлынове, так и котельнического — капитана Ермолаева. И если судьба последнего могла быть решена относительно просто — ликвидацией самого Котельнического уезда, то с первым ситуация была гораздо сложнее. В отличие от безвестного капитана стольник Толстой был несопоставимо весомей и по своему служебному статусу, и по управленческому опыту. До назначения на Вятку Василий Кириллович успел послужить воеводой в Сургуте и комендантом в Туринске [см.: Там же, ф. 214, оп. 5, д. 2072, л. 56; ПСИ, с. 25]. Доступные нам документы показывают, что в Сибире он очутился не позднее ранней весны 1711 г. (к нему как сургутскому воеводе адресован один из первых указов кн. М. П. Гагарина в качестве ново-назначенного губернатора). Таким образом, ко времени описываемых событий (март 1717) Толстой имел вполне солидный сибирский стаж⁷. Судя по всему комплексу делопроизводственной переписки, его отношения с губернатором были достаточно ровные. Только один раз он навлек недовольство князя Матвея весьма своеобразным поступком, изблещавшим известную дерзость его характера. Первый толстовский въезд в Хлынов в качестве коменданта был ознаменован по распоряжению стольника троекратным пушечным залпом

⁷ О более ранних служебных перемещениях В. К. Толстого информации обнаружить не удалось, за исключением того, что в Боярском списке 1706 г. он записан еще как стряпчий [см.: Захаров, с. 343].

(«и после той стрельбы розницею стрелял несчетно»). В результате таких народных ликований Толстой «истерял пороховые казны Великого государя немалое число» и был наказан губернатором трехсотрублевым штрафом «за то его дерзновение», «чего ему, також и иным камендантом чинить не надлежало» [РГАДА, ф. 1113, оп.1, д. 28, л. 937]. Впрочем, надо полагать, что этот убыток вятский комендант скоро сумел возместить, поскольку, кроме жалованья (источника благосостояния весьма ненадежного), имел возможность получать регулярный воеводский корм с богатого хлыновского посада. Месяц спустя после водворения Толстого на Вятке губернатор приказал вятскому земскому старосте П. Непеину выдавать коменданту «из земской избы из земского збору на неделю» столько содержания, сколько давали в 1711–1712 гг. одному из гагаринских любимцев — стольнику и воеводе С. Д. Траханиотову [Там же, л. 710]. Таким образом, едва ли опрометчивая выходка Толстого могла серьезно испортить его отношения с кн. Гагариным. Усиление власти ландрата Кологривова и его назойливые притязания на главенство раздражали самолюбивого вятского коменданта и побуждали к давлению на губернатора; сам же губернатор, очевидно, не мог до конца определиться в своих кадровых предпочтениях. Эта сложная административная ситуация и напряженность в отношениях между первыми лицами Вятки отчетливо проявляется в коротком письме, написанном дьяком В. Окоемовым (явно с подачи Толстого) И. М. Кологривову 17 апреля 1717 г. «Высокопочтенный господин лантрат Иван Миронович, — писал дьяк, — нынешняго году апреля 13 дня получили мы царского величества указ за подписанием руки губернатора князя Матвея Петровича Гагарина, что Вашему превосходительству нашего правления ни в какия дела вступать не повелено, и посыльшиков ни для чего посылать в наше ведомство не надлежит, понеже велено требовать Вам от нас точию об одном зборе денежных доходов» [Там же, ф. 973, оп. 1, д. 5, л. 153]. В этом письме, помимо раздражения, плохо скрываемого за подчеркнuto корректным тоном, примечательна ссылка на приказ губернатора, полученный четыре дня назад. В борьбе между старшими чиновниками провинции успех оказался на стороне коменданта, что незамедлительно вызвало ответные действия ландрата. Характер их был предсказуем: не жалея красок и приводя разнообразные примеры «непослушаний» вятского коменданта и его комиссаров, Кологривов начал жаловаться кн. М. П. Гагарину, апеллируя к неизвестному нам указу, который, видимо, исходно определял круг его полномочий. В лаконичном пересказе, читаемом в июльском (1717) доношении ландрата, его полномочия сводились к тому, «чтобы смотреть над камендантом вяцким и над камисаром, и по присланным указом от губернатора посылать им указы». В конце концов интриги Кологривова возымели действие. В августе того же года Гагарин повелел «х Толстому и х камисару Окоемову послать с подкреплением указы, чтоб отнюдь ни в каких делах... лантрату ослушны не были»; заодно этим же губернаторским распоряжением определялись наказания для вятских подьячих за их «противности» ландрату (Кологривов получил эту важную для себя бумагу 14 сентября 1717 г.) [см.: Там же, л. 229–230].

Кто победил в этой межведомственной войне (а сколько их было в петровское царствование!), пока осталось не известно. И коменданту В. К. Толстому,

и ландрату И. М. Кологривову как-то приходилось уживаться на Вятке еще более двух лет, пока судьба не развела их окончательно. С сентября 1719 г. в Слободском вновь появился комендант — Илья Озеров, третий и последний начальник самостоятельного Слободского ведомства [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 155, л. 728 об.; ф. 1113, оп. 1, д. 29, л. 262, 302—302 об., 368—368 об., 414—414 об.]. Наступали новые времена: в замыслах неумемного реформатора вызрел план очередных преобразований системы государственного управления, в которой не было места ландратуре. В ходе второй областной реформы, начавшейся в 1719 г., вятские «пригородки» вновь потеряли статус самостоятельных уездных центров, а сформированная Вятская провинция включила в свой состав Кайгородский и Кунгурский уезды.

Чего хотел добиться губернатор кн. М. П. Гагарин, наращивая, пусть и не без колебаний, административную значимость вятских ландратов? Может быть, это была попытка организации реально действующей ландратской доли? В совокупности «большой» Вятский уезд с учетом «пригородков», насчитывавший по переписи 1710 г. 8 144 двора [см.: Там же, ф. 248, кн. 17, л. 50], мог послужить своего рода полигоном для начала административно-территориального переустройства губернии в соответствии с указом 1715 г. Его даже не нужно было разукрупнять, чтобы приблизить количество дворов к указному; практика введения долей в европейской России знала подобные укрупненные доли, например Солигалицкую в Архангелогородской губернии численностью 8 280 дворов [см.: Богословский, 2008, с. 97]. Но почему в таком случае доленое деление даже не пытались ввести прежде всего в крупнейших уездах губернии — Тобольском (19 707 дворов) и Соликамском (13 432 двора) [см.: РГАДА, ф. 248, кн. 17, л. 50]? Или губернатор увидел в функционировании ландратов иную перспективу — создание специализированной системы управления финансами? Именно этой отраслью губернского управления в масштабах всей Сибири управлял тобольский ландрат В. П. Греков, и именно этими полномочиями были исходно наделены и вятские ландраты кн. Я. И. Вяземский и И. М. Кологривов. Примечательно, что приблизительно к 1715 г. Петр I окончательно проникся идеей разделения общего и специального управления, начав проработку коллежской отраслевой системы. Как бы там ни было, но деятельность вятских ландратов не изменила общей ситуации в губернии. Ландратура в Сибири не состоялась даже в тех формах, в каких она существовала в губерниях европейской части страны, тоже далеких от законодательного образца.

Эпизод с устройством ландратского управления на Вятке, как и многие другие аналогичные эпизоды, примечателен прежде всего тем, что он наглядно показывает механизмы адаптации «воображаемого» идеального государства Петра Великого к реалиям ресурсных возможностей и практики административного управления России. Новые принципы государственного устройства, к которым постепенно в течение XVIII столетия шла страна, рождались не только в поучительных письмах европейских мыслителей, адресованных царю, или на страницах обширных трактатов его прожектеров. «Регулярная» империя, построенная в век Просвещения, несла в себе и рациональные идеи камерализма, и практицизм допетровской традиции администрирования, являя н о -

вое качество организации, национальный вариант *l'etat modern*. В каких пропорциях происходило это взаимовлияние — вот вопрос, который требует длительных и титанических усилий по изучению организации государственного аппарата не через призму эволюции административных норм, а посредством историографического освоения богатейшего наследия канцелярского документооборота. В противном случае нам едва ли удастся выйти из тупика малопродуктивных на сегодняшний день рассуждений в духе славянофильско-западнических дебатов.

Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество : Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск, 2003.

Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. Ч. CCCXXXIX.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909.

Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Российский XVIII век. Кн. 1 / отв. ред С. О. Шмидт ; сост., подгот. текста, примеч. А. В. Мельникова. М., 2008.

Вершинин Е. В. Воеводское управление на Урале в XVII в. // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001.

ГАТО. Ф. И-47.

Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.) : словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3.

ДПС. Т. 4. Кн. 1.

Захаров А. В. Государев двор Петра I : публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009.

Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. ПСЗ. Т. 4. № 2305; Т. 5. № 2673, 2762, 2879, 2964.

ПСИ. Т. 2. Док. 5.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 5-е изд. М., 1995.

РГАДА. Ф. 214, 248, 973, 1113.

Редин Д. А. Сибирские ландраты, 1714—1720 гг. : (материалы к исследованию) // Петровское время в лицах — 2005 : материалы науч. конф. СПб., 2005.

Редин Д. А. Транспортные коммуникации Урала и Западной Сибири XVIII в. как элемент системы управления (постановка вопроса и проблема источников) // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница : материалы междунар. симпозиума : в 2 ч. Ч. 1 : Академические исследования Северо-Западной Сибири в XVIII в.: история организации и научное наследие. Екатеринбург, 2006.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711—1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

Татищев В. Н. Напомнение на присланное росписание высоких и нижних государственных и земских правительств // Татищев В. Н. Избр. тр. по географии России. М., 1950.

Статья поступила в редакцию 05.09.2012 г.